

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

А. В. МИХАЙЛОВСКИЙ

Гуго Динглер родился в 1881 г. в Мюнхене. Изучал физику, математику и философию в университетах Эрлангена, Мюнхена и Гёттингена. Не в последнюю очередь благодаря лекциям таких выдающихся ученых начала XX в., как Ф. Кляйн и Э. Гуссерль, он заинтересовался вопросами, связанными с обоснованием научного знания; разработке именно этой проблематики посвящена большая часть трудов Динглера. С 1907 г. он ведет активную научную работу и выпускает по книге каждые два-три года. Начиная с первого сочинения «Основы критики и точной теории наук, в особенности математических» и почти во всех своих крупных книгах (более 20-ти), многих статьях и выступлениях Динглер с характерными для него единством и цельностью мысли разрабатывает фундаментальную и всеобъемлющую систему — «систему чистого синтеза», или «однозначно-методическую систему».

В 1912 г. после защиты диссертации Динглер становится доцентом математики в Мюнхене. Пройдя Первую мировую войну как фронтовой офицер, он возвращается к научной работе и в

1920 г. получает звание экстраординарного профессора в Мюнхенском университете (до 1932 г.). Известность к Динглеру приходит после публикации книги «Крах науки и примат философии» (1926), где он вступает в критическую дискуссию с неокантианством, реализмом и эмпиризмом, а также с новейшими течениями в области логики, математики и физики. Через несколько лет его взгляды приобретают очертания программы в книге «Система» (1930). В 1932 г. ему поступает приглашение занять место ординарного профессора философии в Высшем техническом училище в Дармштадте. В 1934 г., вскоре после прихода к власти национал-социалистов, Динглера отправляют на пенсию как политически неблагонадежного (с формулировкой «ненациональный мыслитель»), в частности за интерес к еврейской культуре (в 1919 г. вышла его книга «Культура евреев. Примирение между религией и наукой»). Учитывая его последующие высказывания, это обвинение выглядит беспочвенным и позволяет предположить, что причиной увольнения, скорее, послу-

жили интриги¹. Опасаясь за судьбу своего творчества и своих сочинений, Динглер предпринял попытки вновь получить кафедру, однако вскоре был взят под продолжительное наблюдение гестапо. После 1945 г. обвинение в сближении с национал-социализмом закрыло для него доступ к преподавательской деятельности. Все эти политические обстоятельства не могли не повлиять на отношение к Динглеру в академической сфере, а также на само освещение его работ в послевоенной Германии. В 1954 г. реабилитированный незадолго до этого ученый скончался в своей мюнхенской квартире, заваленной непроданными тиражами книг. Его последняя работа «Постижение действительного» была опубликована посмертно в 1955 г.

Впрочем, не только политическими обстоятельствами объясняется тот факт, что идеи Динглера, в отличие от других крупных представителей философии науки, таких как Карнап, Рейхенбах или Поппер, не смогли оказать сколько-нибудь значительного влияния на научное сообщество. В 1950-е гг. немногие преданные ученики (Вильгельм Крампф, Бруно Тюринг, Эдуард Май) в ряде публи-

каций попытались показать значение динглеровского творчества для развития философии науки². Однако многие видели в нем своего рода продолжателя «конвенционализма» в духе Пуанкаре, чему немало способствовала весьма ограниченная оценка динглеровской позиции, данная Карлом Поппером еще в 1935 г.³ Тем не менее в 1960–80-е гг. избирательная рецепция идей Динглера осуществлялась в рамках различных школ. Здесь следует особо указать на немецких конструктивистов Эрлангенской школы. Отталкиваясь от программы Пауля Лоренцена, они интегрировали метод пошагового, свободного от всяких порочных кругов операционального обоснования логики, математики и физики в свою теорию науки. В то же время они отказались от «протофилософского» измерения системы, которая полагала в качестве источника всех фундирующих науку действий «волю к однозначности» и стремилась дать последнее, абсолютное доказательство.

В общем и целом профессиональные университетские философы видели в «нацистском ученом» своего идеологического врага, находя у него проповедь вы-

¹ По всей видимости, это мнение принадлежит исследователю творчества Динглера Ульриху Вайсу. Его поддерживает, в частности, Юрген Миттельштраß в своей статье о Динглере в «Энциклопедии философии и теории науки» (Mittelstraß J. Hugo Dingler // Enzyklopädie Philosophie und Wissenschaftstheorie. Mittelstraß J. (Hg.). Bd. 1. Mannheim, 1980. S. 488. Sp. 1). О политическом аспекте философии Динглера будет сказано особо.

² См., например: Krampf W. Die Philosophie Hugo Dinglers. München, 1955.

³ Во вводной части к IV главе «Логика научного исследования». См.: Поппер К. Логика научного исследования // Логика и рост научного знания. М., 1983.

шедшего в те годы из моды и даже опасного «волюнтаризма», а теоретики науки и естествоиспытатели также не могли принять метафизического измерения философии Динглера, из которой следовало отрицание теории относительности, с одной стороны, и квантовой теории, с другой.

В качестве единственного непредвзятого исследователя можно назвать, пожалуй, лишь Ульриха Вайса, чья книга «Методическая философия Гуго Динглера», вышедшая в Мангейме в 1990 г., представляет на сегодняшний день наиболее полный и всесторонний анализ творчества Динглера, включая библиографический обзор источников и вторичной литературы⁴. Само собой разумеется, что за пределами Германии фигура Динглера остается практически неизвестной⁵.

Ниже мы предлагаем читателю перевод большого отрывка из программной статьи Динглера «Методика вместо теории познания и наукоучения» (впервые опубликована в журнале «Кант-Штудиен» в 1936 г.), включенной Вайсом в первое после 1955 г. издание работ Динглера «Статьи по методике»⁶. Во введении мы не ставим перед собой задачи дать – пусть даже эскизное – описание

динглеровской системы. Однако ввиду отчасти полемического характера публикуемого текста следует отметить отдельные, наиболее значительные пункты философской программы автора «Методики».

Позиция Динглера радикальным образом отличается от убеждения представителей классической философии в преимуществе онтологии над методологией. Более того, очевидно, что автор отказывается от самого понятия «методология», заключающего в себе некоторую коннотацию служебности, и предпочитает говорить о «методике» или «методическом» как таковом. Принимая традицию, начатую «Новым органом» Бэкона и продолженную Декартом и Гоббсом, Динглер в то же время пытается преодолеть центральное для новоевропейской теории познания отношение между субъектом и объектом, предельно радикализируя само понятие метода и саму процедуру обоснования знания.

Программа априорного обоснования науки, как ее представляет себе Динглер, восходит к кантовской парадигме познания как активной деятельности субъекта. «Для Канта быть *a priori* значит оказывать формирующее воздей-

⁴ Weiss U. Hugo Dinglers methodische Philosophie. Mannheim, 1990.

⁵ На русском языке существует лишь перевод большого отрывка из важной книги 1928 г. «Эксперимент» (Динглер Г. Эксперимент. Его сущность и история (главы из книги) / Пер. с нем., прим. А.В. Михайловского // Вопросы философии. 1997. № 12. С. 98–134) и несколько статей в философских словарях и энциклопедиях. Что касается современной российской философии науки, то элементы операционального подхода можно встретить в публикациях В.Я. Перминова; впрочем, насколько мне известно, он нигде непосредственно не ссылается на немецкого философа.

⁶ Dingler H. Aufsätze zur Methodik. Hamburg, 1987.

ствие на феномены, быть условием возможности опыта. Но у Канта отсутствует абсолютное доказательство для его утверждений. Для него они, так сказать, психологические гипотезы. В этом смысле наша система (Aufbau) устроена совершенно иначе. У нас формы идеальных наук... не наличествуют в природе как всеобщие законы. Напротив, эти формы «реализуются» нами самими, т.е. мы сами изготавливаем эти формы», — пишет он в своем итоговом труде⁷. Динглер полагает, что движется по открытому Кантом подлинно революционному пути, в отличие от некоторых представителей неокантианства (в частности, Э. Кассирера), извративших мысль автора «Критики чистого разума». А именно он выступает против чисто теоретического «вмысливания (*Hineindenken*) форм в реальность», когда разум до всякого опыта и экспериментальных результатов якобы образует некие «мысленные матрицы», вводя их затем в чувственное созерцание. Эта позиция критикуется под именем «эмпирического матричного априоризма». Ни чувственный опыт, ни математические формулы сами по себе не способны обеспечить достоверность и общезначимость знания. Наука превращается в окутывающее действительность «облако цифр» и постепенно приходит к ситуации кризиса.

Способом преодолеть кризис оснований логики, математики и физики оказывается возвращение науке ее реального, жизненного содержания. Эта программа обна-

руживает немало сходства с теорией «жизненного мира» у Гуссерля в «Кризисе европейских наук», а также с различием между «наличным» и «подручным» и понятием «бытия-в-мире» у Хайдеггера в «Бытии и времени». Стремясь подвести под науку новый прочный фундамент и свести воедино сферы «чистого» и «эмпирического», Динглер вводит понятие нового априори. Вместо априорных форм чувственности и рассудка у него теперь выступают дефиниции элементарных форм (*Elementargestalten*), которые трактуются как «щели для специальных действий», реализуемые в действительности в ходе практической деятельности. Первичность практического, оперативного заключается в том, что основные формы «идеальных наук» (например, геометрические идеи) не заимствуются из «природы» и не носят конвенционального характера, а выступают как «планы», «требования по изготовлению»; они выбираются человеком из множества других как однозначно реализуемые элементарные формы. Основные геометрические понятия «плоскость», «прямая», «ортогональность» определяются посредством метода конструкции (идеации). Так, активная дефиниция плоскости содержится в самом методе, применяемом для изготовления реальной плоскости. Динглер находит его в фабричной процедуре ручного изготовления точнейших плоскостей посредством шлифовки трех стальных пластин друг об друга (*Dreiplattenver-*

⁷ Dingler H. Die Ergreifung des Wirklichen. München, 1955. S. 47–48.

fahren)⁸. Производимая в результате фигура *должна* обладать тем минимумом свойств, которые (вне зависимости от эмпирического своеобразия материала) реализуются в каком-либо предмете при осуществлении этого метода (та поверхность является плоской, обе стороны которой пространственно неразличимы). В процессе исследования растет точность измерений, в определенных границах происходит «исчерпание» (Exhaustion) норм, т.е. их более точное исполнение («принцип конвергентной точности»). Таким образом, общие дефиниции, как *desideratum*, и извлекаемые отсюда следствия (система аксиом евклидовой геометрии) получают априорный характер. Поскольку геометрическая идея плоскости не лежит ни в области простого представления, ни в области эмпирического бытия, а в качестве организованного заранее плана присутствует в действиях, направленных на изготовление реальных предметов, то и рациональное априори приобретает здесь новый смысл, становясь «априори изготовления» (*Herstellungsapriori*), — его варианты: дефиниционное, операциональное априори⁹.

Отсюда Динглер делает вывод, что человеческая практика обеспечивает истинность только евклидовой геометрии, а она в свою очередь обуславливает экспери-

ментальное овладение природой в целом¹⁰. Ввиду того, что в основе всех приборов и инструментов, определяющих процедуры измерения в физике, лежат реализации форм евклидовой геометрии, Динглер последовательно выступал против теории относительности А. Эйнштейна, который исходил именно из неевклидовой геометрии.

Итак, «коперниканский поворот» Канта трансформируется в прагматический поворот. Методика замещает собой теорию познания и выступает как «новый путь» обоснования знания, а знание приобретает прежде всего посредством действия, активного конструирования. Эту методику (или прагматику¹¹) сам Динглер обозначил позднее термином «операционизм», желая подчеркнуть антиэмпирическую направленность своей теории. Таким образом, «операциональный» подход следует отличать как от хронологически более позднего «операционализма» П. Бриджмена, так и от американского прагматизма (Пирс, Джеймс, Дьюи).

Методика предполагает «прагматический порядок» — некую последовательность действий (*Handlungsordnung*), когда в определенном действии А содержатся необходимые условия для выполнения действия В. Нарушение этого порядка внутри «однозначной систе-

⁸ Подробнее об этом методе см.: Dingler H. *Grundlagen der angewandten Geometrie*. Leipzig, 1911.

⁹ Подробнее об этом см. в моей статье: Михайловский А.В. «Новое априори» Гуго Динглера // Математика и опыт. М., 2003. С. 219–233.

¹⁰ Теме эксперимента Динглер посвятил отдельную книгу «Эксперимент».

¹¹ О прагматике говорит У. Байс: Weiss U. *Einleitung* // Dingler H. *Aufsätze zur Methodik*. S. XVII.

мы» приводит ко всяческим ошибкам и погрешностям. «Принцип прагматического порядка» имеет чисто методическое значение. Рассматриваемый как указание или руководство к действию, он не нуждается в доказательстве, получая свое обоснование из волевого целеполагания. Он позволяет организовать и привести в «естественный порядок» совокупность действий как умственного, так и прикладного характера. Тем самым достигается главная цель науки — последовательными шагами осуществить овладение действительным, реальными природными процессами.

Здесь возникает традиционный вопрос об основаниях и цели практики. Эту исходную точку Динглер находит в целеориентированной индивидуальной воле, последней активной инстанции, обосновывающей самое себя. В «Крахе науки» эта мысль провозглашается почти как лозунг: «Всякая философия есть в конце концов децернизм»¹².

Динглер различает «волютаризм» и «децернизм», фиксируя фундаментальную двойственность воли. Первое понятие относится к «метафизическому» статусу волевой инстанции, полноте переживания, второе — к методической роли этой волевой инстанции. Методически определенной воле, «нулевой точке системы», соответствует понятие «эпохэ» (оче-

видно, заимствованное у Гуссерля), которое означает проведение четкой грани между сферой «дометодического», «досистематического», повседневного и строгим порядком методики.

Активная воля телеологична, ее целью является достижение «абсолютной достоверности». Существуют два способа понимания воли. С одной стороны, можно понимать волю как чистое отношение к самому себе (ницшеанская «воля к воле»). С другой стороны, достоверность можно обеспечить за счет того, что внешние предметы будут сделаны инструментами волевого действия, направленного на покорение природы, овладение действительностью. А это и есть тот самый царский путь новоевропейского естествознания: для Бэкона природа была «*regnum hominis*», Декарт именовал человека «*maîtres et possesseurs de la nature*», а Гоббс высказывался о науке как о разновидности основной антропологической категории власти — «*scientia propter potentiam*».

Отношение волящего человека к миру сводится к отношению между активной волей и совокупной предметностью. Эта предметность трактуется Динглером как «нетронутое» (*das Unberührte*), как «непосредственно данное», свободное от теоретических наслоений и вообще предшествующее разделению на субъект и объект¹³.

¹² Dingler H. Der Zusammenbruch der Wissenschaft und der Primat der Philosophie. München, 1926. S. 271. Под философией подразумевается систематическая протофилософия, обосновывающая науку.

¹³ См.: Dingler H. Das Unberührte. Die Definition des unmittelbar Gegebenen // Zeitschrift für die gesamte Naturwissenschaft. 1942. № 8. S. 209–224; переиздано в: Dingler H. Aufsätze zur Methodik. S. 61–83.

«Нетронутое» есть то, что еще не изменено или обработано «волей к однозначности». Вместе с тем Динглер последовательно маркирует границы научного познания мира и постоянно подчеркивает, что существуют области действительности, принципиально недоступные для активной воли. Речь идет о методически нередуцируемом, непосредственном переживании во всем многообразии его проявлений. Самостоятельность и независимость этой сферы от «методического» все же позволяет сохранить сферу «онтологии», на которую как раз и указывает негативное определение «нетронутого».

В заключение я хотел бы указать на еще одно измерение системы – этическое измерение. Оно заключает в себе весьма интересные импликации, которые, насколько я могу предположить, никогда не рассматривались в литературе о Динглере. «С методической точки зрения синтетическая система и все к ней относящееся *никогда не содержит высказываний о чем-то онтологическом*, а представляет собой лишь методическое мероприятие по духовному и прикладному покорению переживаемого, состоя на службе конечных целей всех наших поступков, т.е. конечной этической цели», – говорится в конце III-й части «Методики». Этическая цель конкретизируется в другом месте статьи, где Динглер связывает «максимально однозначное овладение окружающим миром» с «сохранением на-

родной общности», которое подразумевает сохранение общности всех народов.

Хотя текст «Методики» был написан и опубликован в годы Третьего рейха, однако ту же самую мысль мы встречаем и ранее, например в книге «Метафизика как наука о последних основаниях»¹⁴, а в 1935 г. выходит работа по абсолютной этике «Деятельность в смысле высшей цели». Таким образом, можно предположить, что указанное место из «Методики» необязательно продиктовано идеологией *Gleichschaltung*, проводившейся после прихода национал-социалистов к власти, в том числе и в академической среде. Прочитируем отрывок полностью. «...А ведь к числу этих высших целей относится, в частности, максимально однозначное овладение окружающим миром, чему как раз и служит однозначность, которой мы здесь стремимся достигнуть. Эти цели служат *сохранению общности*, и поскольку отдельный человек служит им, он не вправе руководствоваться точкой зрения своей личной уверенности». Вопрос о достоверности, вопрос об обосновании познания ставится в практическом аспекте. Динглеровская «научная воля» и «воля к однозначности» получает тем самым совершенно очевидное социально-историческое, если не сказать «политическое» (в духе Карла Шмитта) измерение. Ведь в конечном счете философия, равно как и обосновываемая ею наука, ориентируется, согласно Динглере, на выс-

¹⁴ Dingler H. *Metaphysik als Wissenschaft vom Letzten*. München, 1929. S. 108, 171.

шую цель «сохранения народной общности». И хотя методика основывается на целеполагании единичного творческого Я, однако она оказывается вовсе не индивидуальным делом. *«Методика в конечном счете проистекает из социального целеполагания и восходит к определенным народам – античным грекам и затем западным индогерманцам, – относясь к числу их величайших творений».*

Конечно, эти высказывания можно трактовать как «попытку приспособиться к реальности и идеологии Третьего рейха»¹⁵. Однако такой подход скорее заслоняет суть дела, поскольку вызван желанием снять с ученого (в позднейшей перспективе) некую «вину» за те мысли, которые органично вытекают из его философии. Во всяком случае, основанием для отвержения эйнштейновской теории относительности служили вовсе не расовые причины, и уже одно это отличает Динглера от представителей «немецкой физики» вроде Ленарда или Штарка¹⁶.

«Народная общность» (Volks-gemeinschaft) – одно из понятий националистического словаря Веймарской республики, лишь позднее перекочевавшее в рито-

рику национал-социалистов. Период между 1918 и 1932 гг. в немецкой культуре часто обозначают термином «консервативная революция», подразумевая идеологическую реакцию правых германских интеллектуалов и национально ориентированных мыслителей на такие явления, как рационализм, позитивизм, капитализм, либерализм, марксизм и т.д. Многим консервативно-революционным мыслителям также свойственно жесткое противопоставление «западной цивилизации» и «германской культуры», парламентской демократии и авторитарного государства с иерархической организацией, бесконечной дискуссии и решительного волонтаризма, индивидуализма и общности, преодоление субъект-объектного отношения, а также требование «вернуться к истокам» и к «жизни самой по себе»¹⁷. Если отвлечься от разнообразных идеологических программ, то к представителям «консервативной революции» можно причислить и таких довольно далеких от политической борьбы философов и ученых, как К. Шмитт, М. Хайдеггер, В. Йегер и др. Позволим себе осторожно назвать и имя Гуго Динглера в ряду наиболее ярких

¹⁵ Так считает Вайс, хотя и замечает, что этот аспект творчества Динглера требует внимательного рассмотрения (См.: Weiss U. Einleitung. S. XI).

¹⁶ В то же время некоторые авторы прославляли Динглера как «борца германской науки». См., например, статью Б. Тюринга к 60-летию ученого: Thüning B. Hugo Dinglers Werk, ein Kampf und Aufschwung deutscher Wissenschaft // Zeitschrift für die gesamte Naturwissenschaft. 1941. Mai/Juni, Folge 5–6. S. 130–137.

¹⁷ См. новейшую работу по историографии «консервативной революции»: Mohler A., Weißmann K. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932. Ein Handbuch. Völlig überarbeitete und erweiterte Auflage. Graz, 2005.

умов «немецкого движения», которые в 1933 г. приняли национал-социализм, но вскоре были вынуждены уйти во «внутреннюю эмиграцию» или покинуть Германию¹⁸. Несмотря на все различие научных сфер, нельзя не заметить сущностного сходства динглеровских идей с известными мыслями философа Мартина Хайдеггера о жизни и воле немецкой нации в ректорской речи 1933 г. «Самоутверждение немецкого университета»¹⁹ или с похожим взыванием к «греческому началу» в классическом труде филолога Вернера Йегера. Автор «Пайдейи» (первое издание вышло в Берлине в 1933 г., второе – в 1936 г.) писал, например, о законах как важном этапе на пути греческого образования к основополагающей идее человека, что «они вырастают не в безвоздушном пространстве чистого мышления, но из понятийной переработки исторической сущности нации»²⁰; а тайну пластической силы раннегреческого искусства связывал с тем, что оно было встроено «в четкую систему координат жизненного пространства»²¹ (в целом «пайдейя», или образова-

ние, у Йегера означает не что иное, как «аристократическую форму жизни нации»). Само собой напрашивается и сравнение «децинизма» Динглера с «децизионизмом» Карла Шмитта²², который в духе правовой теории «Левинафана» связывал правовую форму с конкретным, исходящим от суверена решением. В конце концов динглеровская методико-операциональная программа также превосхищается у Томаса Гоббса²³.

Мировоззрения и идеологические системы сменяют друг друга так же, как и научные программы. Одна перспектива вытесняет собой другую перспективу. Одна школа уходит, приходит другая. Рецепция философии Динглера не могла состояться, с одной стороны, на фоне денацификации, а с другой – в условиях преобладания критического рационализма и аналитической мысли. Однако сегодня мы, как кажется, обладаем достаточной дистанцией для того, чтобы суметь непредвзято оценить значение «методики» и операционального подхода Гуго Динглера для философии науки.

¹⁸ Подробнее см.: Михайловский А.В. Внутренняя эмиграция «немецких консерваторов» // Космополис. 2005. № 3 (13). С. 117–130.

¹⁹ Хайдеггер М. Самоутверждение немецкого университета // Историко-философский ежегодник' 94. М., 1995. С. 298–306.

²⁰ Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 1. М., 2001. С. 146.

²¹ Там же. С. 88.

²² О «решении» в социологической перспективе см. классическую работу фон Крокова, который анализирует понятия решимости Хайдеггера, борьбы Э. Юнгера и децизионизма К. Шмита: Krockow C. Die Entscheidung. Eine Untersuchung über E. Jünger, C. Schmitt, M. Heidegger. Stuttgart, 1958.

²³ См.: Weiß U. Das philosophische System von Thomas Hobbes. Stuttgart-Bad Cannstatt, 1980; ero же. Wissenschaft als menschliches Handeln. Zu Thomas Hobbes' anthropologischer Fundierung von Wissenschaft // Zeitschrift für philosophische Forschung. 1983. № 37. S. 37–55.